жестокую наклонность сурово судить несчастья, которые им самим никогда не могут грозить. Сердце Петра III не могло подозревать предательства: он, без сомнения, надеялся, что насилие этим ограничится и что раскаяние или время рано или поздно изменят его участь... Оборвем рассказ на ужасной катастрофе, которая его увенчала.

За время своего краткого царствования он довел до предела свое восхищение Фридрихом Великим, но это восхищение перед столь могущественным государем может быть осуждено лишь за его преувеличения. Те же, кто его знал, могли оценить его редкую доброту. Она была полезна России: благодеяния, действие которых не прекращается, требуют за себя вечной благодарности.

Екатерина II взошла на царство, и слава ее наполнила мир. Философы были глашатаями этой славы. Друг истины не должен против этого возражать. Но разве ему не позволено счесть число мужчин, женщин и детей, которые заплатили жизнью за тридцать лет этого славного царствования в Польше, Швеции, Турции, Персии и более всего в России? Он пытается счесть ужасное число этих жертв и находит их столь же бесчисленными, как и количество ассигнаций, — мрачное свидетельство богатств, поглощенных блеском этого прекрасного царствования.

Примите и проч.

Путешественник.[45]

Статья примечательна во многих отношениях. Петр III избран в качестве ее героя не случайно: такие законодательные акты его правительства, как указ о вольности дворянской, уничтожение тайной канцелярии, прекращение гонений на старообрядцев, создали ему популярность в самых различных слоях населения. Последнее обусловило то, что имя его было присвоено рядом самозванцев, два первых вызвали в 1803 г. слова Карамзина: «Я, как русской и дворянин, желал видеть место, которое нравилось Петру III: он подписал два указа, славные и бессмертные!»[47]

В уничтожении тайной канцелярии видели меру по замене произвола законностью. На смену жестокому веку Петра, когда «жестокие обстоятельства заставили <...> прибегнуть к жестокому средству», когда исторический прогресс сочетался с деспотизмом и беззаконием, должен прийти век просвещенной мягкости нравов и законности. В специальной заметке «О тайной канцелярии» Карамзин писал: «Я чувствую великие дела Петровы и думаю: „Счастливы предки наши, которые были их свидетелями!“ однако ж — не завидую их счастию!»[48]

В указе же о вольности дворянства видели зародыши русской конституции. Следует помнить, что инициатива этого акта приписывалась отцу братьев Воронцовых.[49]

---

[46] Le Spectateur du Nord, 1797, N 2, p. 282—288. Журнал вообще относился с симпатией к Павлу I, хотя и предупреждал его, что «нынешние люди не могут быть управляемы, как люди двенадцатого века». В № 3 была опубликована рецензия на вышедшую в Париже неблагоприятную для Екатерины II книгу: Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762. Paris, 1797.

[47] Путешествие вокруг Москвы. Цит. по кн.: *Карамзин Н. М.* Соч. СПб., 1848, т. 1, с. 451.

[48] Там же, с. 425.

[49] См.: *Щербатов М. М.* Соч., т. II, стб. 224. В приведенной статье примечателен и ряд частных совпадений с позицией Карамзина. См., напри-